

О.Ф. Хайруллина, Е.М. Черных

Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, корп. 2, Ижевск, 426034
E-mail: olenbka93@bk.ru; emch59@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЯ С НАКОНЕЧНИКАМИ СТРЕЛ В МОГИЛЬНИКАХ МАЗУНИНСКОГО ТИПА В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

Рассматриваются комплексы погребений в могильниках мазунинского типа Среднего Прикамья (III–V вв. н.э.), содержавшие наконечники стрел. Анализ позволяет утверждать, что погребальный обряд мазунинских захоронений со стрелами соответствует общим признакам данного культурного образования. Ассортимент костяных наконечников стрел, входивших в основной комплект сопроводительного инвентаря мужских погребений, в целом наследует прежние ананьинско-пьяноборские (чегандинские) / карабызские традиции; аналоги железным стрелам известны в первую очередь среди ближайших соседей мазунинцев — азелинского, гляденовского и южного кочевнического населения. Погребальный инвентарь местных воинов по составу неоднороден: четко выделяются две группы погребений, одна из которых обеспечена только метательным оружием — наконечниками стрел; комплекс вооружения второй группы представлен различными видами оружия как дистанционного, так и ближнего боя. Как показал палеоантропологический анализ захороненных на Боярском «Арай» могильнике, происхождение мазунинских воинов в составе одной популяции могло быть различным. Это наблюдение, сделанное для отдельного памятника, требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: Западное Предуралье, Среднее Прикамье, мазунинская культура, могильники, погребальный обряд, предметы вооружения, наконечники стрел.

Введение и объект исследования

Переход от культур раннего железного века к раннесредневековым в Волго-Камском регионе совершался в особый период мировой истории — в эпоху Великого переселения народов. Этот период характеризуется масштабными миграционными процессами, в разной степени затронувшими отдельные районы этого обширного региона. Инфильтрации в местные лесные сообщества разноэтничных групп, в том числе военизированных, присутствие которых фиксируется исследователями и на территории Среднего Прикамья, в ареале памятников мазунинского типа пьяноборской КИО (мазунинской культуры, по Т.И. Останиной), нашли отражение не только в погребальном обряде (появление прежде всего курганных могильников) — они оставили след в костюмном комплексе, типах вооружения местных социумов. И если к воинам «пришельцам» в отечественной археологии наблюдается давний устойчивый интерес (количество публикаций, в которых авторы обращаются к столь сложному и неординарному явлению с различных ракурсов — этногенез, вещеведение (в первую очередь импорты), хронология, типы миграций и т.д., — сложно перечислить [Генинг, 1976; Сунгатов и др., 2004; Голдина, Голдина, 2010, с. 180–195; Голдина, Бернц, 2010, 2016, 2017; Голдина, 2018; Зыков, 2011; Перескоков, 2018, с. 106–120; и др.]), то о местных мазунинских «рыцарях» сказано сравнительно немного [Иванов, 1984; Овсянников, 1994, с. 65–67; Останина, 1997; Волков, Сабиров, 2005; Бернц и др., 2015].

Обращение авторов данной статьи к одной из категорий мазунинского комплекса вооружения — наконечникам стрел (далее — НС) вызвано недавним наблюдением, сделанным антропологом, к.и.н. И.Г. Широбоковым (МАЭ им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург) при работе с коллекцией нового мазунинского некрополя в Удмуртском Прикамье — Боярского «Арай» могильника ([Широбоков, Черных, 2016]; подробнее о могильнике: [Черных, Хайруллина, 2018]). Им был установлен факт неоднородности группы, оставившей могильник, по морфологическим признакам. При разбивке анализируемой выборки с учетом наличия или отсутствия в погребении НС, дротиков и/или колчаных крючков выявлена группа мужских костяков, отличавшихся от остальных мужчин более крупными размерами черепа, низкими орбитами, хорошо выраженным рельефом в области надбровья и надпереносья. На статистически значимом уровне они характеризуются также большей величиной продольных размеров лучевой и большой берцовой костей, большими обхватными размерами плечевой, бедренной и большой берцовой костей. Выявленные различия, по мнению антрополога, нельзя объяснить прижизненными изменениями

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

морфологии скелета индивидов, активно занимавшихся стрельбой из лука. Более вероятным (хотя и труднодоказуемым) объяснением указанных различий исследователь считает исходные конституциональные особенности данной мужской группы, повышающие способности к физическим нагрузкам. Кроме того, указанные различия могли явиться следствием принадлежности части погребенных к разным по происхождению группам [Широбоков, Черных, 2016, с. 28–29].

Гипотеза

Группа погребений со стрелами на Боярском могильнике выделена условно и, вероятнее всего, не является реальной популяционной выборкой. Но выявленные с помощью антропологии различия внутри отдельно взятого небольшого некрополя (всего 183 погребения) вполне могли оказаться общими для погребального обряда и инвентаря мазунинских «лучников» в целом.

Особо отметим, что отождествление данной выборки с какой-либо социальной группой в мазунинском обществе преждевременно. Для выполнения такой работы необходимо использовать корпус всех имеющихся источников по мазунинским погребениям не только с наконечниками стрел, но и с другими категориями оружия в целом. Это тема отдельного большого исследования. Несмотря на то что настоящая работа имеет цель, заключающуюся в проверке указанной выше гипотезы на доступных (опубликованных с различной степенью полноты) материалах мазунинских могильников, полученные выводы, в том числе по погребальному обряду мазунинских лучников, на наш взгляд, могут оказаться полезными для тех исследователей, кто целенаправленно изучает военное дело населения Волго-Камья, а также в решении палеосоциологических и иных задач рассматриваемого периода.

С целью проверки данной гипотезы нами были рассмотрены 148 погребений (5,6 %; подсчитано от 2615 погребений на 12 мазунинских некрополях) и 146 костяков с НС из 12 некрополей III–V вв. Среднего Прикамья. Географически 9 из анализируемых могильников располагаются на правом берегу р. Камы (Боярский, Тарасовский, Тураевский I, Ижевский, Покровский, Дубровский, Чепанихинский, Мазунинский, Усть-Сарапульский), остальные — на левом берегу Камы (Сайгатский в Пермском Прикамье, Старо-Муштинский и Старо-Кабановский в низовьях р. Белой) (рис. 1) [Черных, отчет-2002–2005, 2007–2009; Голдина, 2003; Голдина и др., 2015; Голдина, Бернц, 2010; Генинг, 1967а; Останина, 1984, 1992; Бернц, отчет-2010; Черных, отчет-2012, 2013, 2017; Семенов, 1967; Генинг, Мырсина, 1967; Арматынская, 1986; Стоянов, 1962; Сунгатов и др., 2004; Васюткин, Останина, 1986]. В общую выборку не вошли материалы подкурганых захоронений Тураевского могильника, поскольку имеют существенные различия как в погребальном обряде, так и в погребальном инвентаре с могильниками мазунинского типа. Немногочисленные наконечники стрел, обнаруженные в курганах I (погр. 2) и VII (погр. 1) [Генинг, 1976, рис. 7, 14-2, 26-1; 32-15, 16; с. 62, 77], рассмотрены отдельно в сюжете о железных наконечниках стрел (см. ниже).

Погребальный обряд группы захоронений с НС

Форма и размеры погребальных сооружений в рассматриваемой выборке типичны для мазунинского погребального обряда в целом — это прямоугольные ямы с вертикальными стенками и плоским дном; преобладают следующие размеры: длина — 211–240 см (47 погр.) и 241–270 см (39 погр.), ширина — 71–90 см (54 погр.) и свыше 90 см (39 погр.), глубина — 61–80 см (39 погр.) и 81–100 см (48 погр.). Из общей статистики выбивается погр. 1705 Тарасовского могильника, с очень глубокой ямой (342 см) пятиугольной формы, расширенными ко дну торцевыми стенками и едва выраженными ступеньками. Отклонением от «общих» мазунинских погребальных стандартов, по-видимому, следует считать наличие крупных камней в засыпке могильных ям 57 и 199 Дубровского могильника, а также облицовку одной из продольных стенок вертикально поставленными плитами в погр. 56 Мазунинского могильника. Последнее явление характерно только для данного некрополя, поскольку он располагается в месте залегания природного камня. Однако вырубленных в песчанике погребений немного — всего 11 из 69 исследованных на могильнике [Генинг, Мырсина, 1967, с. 85–89].

Данные по ориентировке могил лучников имеются лишь для четырех некрополей: Тарасовский, Боярский, Дубровский и Тураевский I. Практически для всех указанных могильников характерно промеридиональное направление могил (ССВ–ЮЮЗ/СВ–ЮЗ, ССЗ–ЮЮВ/СЗ–ЮВ, С–Ю) и связь с рекой. Так, более половины погребений Боярского могильника (13 случаев) имели широтную ориентацию (ВСВ–ЗЮЗ или В–З), что при знакомстве с топографией памятника обнаруживает следование руслу р. Камы, которое делает здесь петлю.

Большинство погребений с НС следует рассматривать как индивидуальные. Коллективные захоронения (всего 21 случай) включали по два (Боярка 33, 66, 145; Тарасово 35, 452, 795, 919, 924; Тураево 140, 268; Ижевск 80, 95, 102, 120; Покровское 100, 142), три (Боярка 23; Тарасово 620, 680; Покровское 31) или пять (Боярка 115) костяков. В большинстве своем стрелы принадлежали только одному из умерших, как исключение — обоим индивидам (например, Боярка 33, Тураево 268). По имеющимся антропологическим определениям в таких, по-видимому, «семейных склепах» были захоронены совместно только мужчины, причем один из них старше другого на 10–20 лет (Боярка 33, 145; Тарасово 35, 795), либо мужчина и женщина (Боярка 66; Тураево 140; Ижевск 80; Покровское 100), либо взрослые с детьми (Боярка 23, 115; Тарасово 680, 919, 924; Покровское 31).

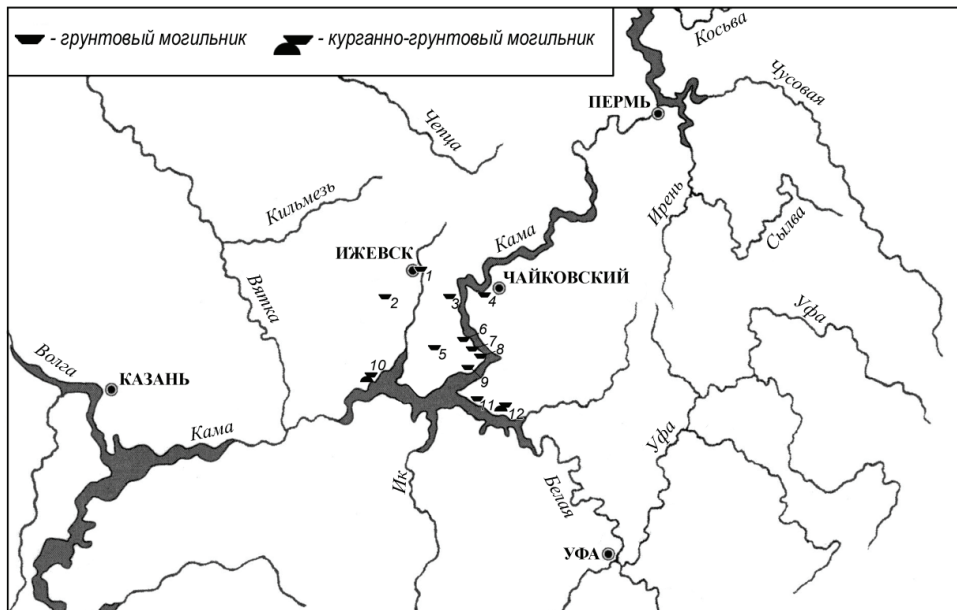

Рис. 1. Карта расположения мазунинских могильников с наконечниками стрел:

1 — Ижевск; 2 — Покровское; 3 — Чепаниха; 4 — Сайгатка; 5 — Дубровский; 6 — Усть-Сарапулка; 7 — Мазунино; 8 — Тарасово; 9 — Боярка; 10 — Тураево I; 11 — Старо-Кабаново; 12 — Старая Мушта.

Fig. 1. Map of Mazunino burial grounds with arrowheads:

1 — Izhevsk; 2 — Pokrovskoe; 3 — Chepanikha; 4 — Saygatka; 5 — Dubrovsky; 6 — Ust-Sarapulka; 7 — Mazunino; 8 — Tarasovo; 9 — Boyarka; 10 — Turaevo I; 11 — Staroye Kabanovo; 12 — Staraya Mushta.

Остатки погребальных конструкций обнаружены в 82 погребениях (55,4 %) лучников. В коллективных захоронениях известны случаи использования отдельных конструкций для каждого умершего (к примеру, пп. 23, 115, 145 Боярского, погр. 680 Тарасовского могильников). Условно выделяются деревянные настилы и ящики/гробовища (в пп. 98 и 153 Боярского могильника они имели «ручки»). В погр. 12 Старо-Кабановского могильника умерший был завернут в кору; ее фрагменты также обнаружены в погр. 111 данного некрополя.

В погребениях с НС отмечены следы культа огня в виде обожженных костей домашних животных (Ижевск 135) и погребальных конструкций (Тарасово 1705, 1846), угольков в засыпке ям (Старая Мушта кк. 2/1, 20/6), а также использование меловой подсыпки или отдельных кусочков мела (Тураево 258; Ст. Мушта 2/1, 20/6; Тарасово 1846). Столь редкие для мазунинского погребального обряда практики [Арматынская, 1991, с. 99; Голдина, Бернц, 2010, с. 66; Голдина и др. 2015, с. 42–43, 263, ил. 274; Широбоков и др., 2018, с. 500; Сунгатов и др., 2004, с. 48] хорошо известны у ранних кочевников евразийских степей, в том числе в позднесарматское время [Статистическая обработка..., 1997, с. 83, 184; 2009, с. 95]. Подобные ритуалы с огнем также отмечены у азелинского населения — западных соседей мазунинцев [Лещинская, 2014, с. 19, 29].

Поза костяков в исследуемой выборке установлена у 145 индивидов, и она также не выходит за рамки мазунинского погребального обряда: умершие укладывались вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами (104 случая, 71,7 %). В редких случаях кисти рук укладывались на таз (Боярка 98, 111). Положение верхних или нижних конечностей не установлено в 14 случаях, в силу различных причин (ритуал, ограбление, современная хозяйственная дея-

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

тельность, плохая сохранность костей) (9,6 %): Тарасово 914; Ижевск 71, 102; Чепаниха 3; Покровское 104; Старая Мушта кк. 3/1, 16/1, 20/6; Боярка 40, 59, 63, 82, 155, 156.

У некоторых из индивидов замечены признаки связывания или обертывания тела перед погребением (Тарасово 623 и 919А, Тураево 258). Небольшие вариации в размещении верхних конечностей отмечены в 24 случаях (16,6 %): кости рук согнуты в локтях (Тураево 36, Ижевск 80А), кисти уложены на таз (Мазунино 56, Боярка 22, 97) либо одна из рук была согнута в локте (иногда кисть укладывалась на таз), а другая помещалась вдоль тела (Тарасово 35Б, 266, 117, 924Б, 960, 1717, 1846; Тураево 22, 65, 98, 209, 258; Ижевск 92, 95А, 104, 135; Старая Мушта, к. 2/1; Чепаниха 28; Боярка 107). Нестандартное размещение нижних конечностей зафиксировано в трех случаях: левая нога умершего из погр. 1754 Тарасовского могильника чуть согнута в колене и развернута в правую сторону, смещение правой берцовой кости отмечено в погр. 111 Старо-Кабановского некрополя; «поза всадника» (ноги раскинуты в стороны и согнуты в коленях) установлена в погр. 14 этого же могильника.

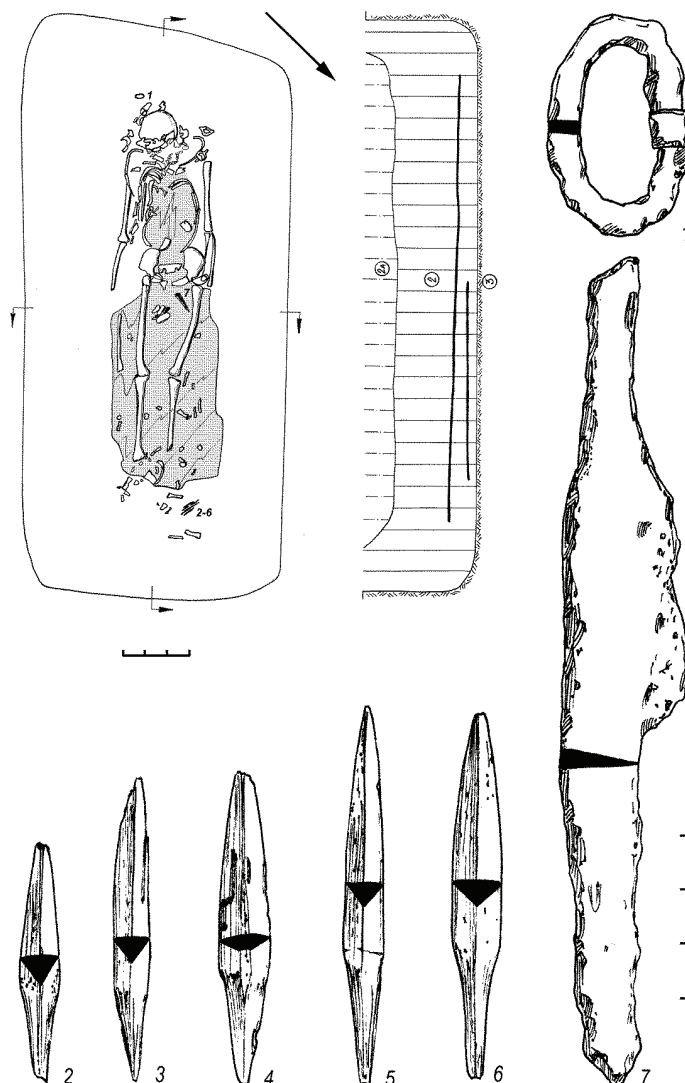

Рис. 2. Боярский «Арай» могильник. Погребение 146:
1 — пряжка, железо; 2–6 — наконечники стрел, кость; 3 — нож, железо.
Fig. 2. Boyarka (Aray) burial ground. Grave 146:
1 — belt buckle, iron; 2–6 — arrowheads, animal bone; 3 — knife, iron.

Нарушение анатомического порядка в захоронениях с НС выявлено у 18 костяков (12,3 %). Особенно ярко прослеживается данное явление в Боярском могильнике (41 случай), где фиксируется практически у каждого четвертого костяка [Черных, Хайруллина, 2018, с. 88–90]. Для

анализируемых мазунинских погребений с НС достаточно четко выделяются группы разрушенных, отмеченные для Боярского некрополя. В группу отклонений с «тотальным» нарушением анатомического порядка скелета (кости разбросаны по всей площади могильной ямы) вошел костяк А погр. 115 Боярского могильника. В одной могиле с ним находились еще 4 захоронения с обычным порядком скелетов, что является, скорее всего, неслучайным и свидетельствует об избирательности ритуальных практик «боярцев». В остальных установленных случаях фиксируются разрушения лишь отдельных частей скелета: черепа (его отсутствие — Сайгатка 32, Боярка 78), рук (отсутствие кисти или верхней конечности, смещение и перемещение фаланг пальцев к бедренным костям, отчленение и перемещение кисти к черепу — Тарасово 243, 263, 266, 1702; Боярка 40), верхней части костяка (смещение грудной клетки, рук — Тарасово 813, 914; Ижевск 71; Чепаниха 3; Покровское 104; Боярка 23А, 106, 146 и 183) (рис. 2), ног (отчленение костей голени — Боярка 155). Большинство описанных случаев, по-видимому, следует связывать с обрядом обезвреживания [Флеров, 2000, с. 12]. Однако некоторые, вероятно, объясняются военными столкновениями (косвенно об этом свидетельствует застрявший в тазовой кости наконечник стрелы погр. 78 Боярского могильника) либо подзахоронениями (Боярка 155).

Ориентировка погребенных с НС определена у 137 индивидов (94,5 %), и, как правило, она не расходится с господствующими представлениями в мазунинском обществе. Выбор диктовался, как подмечено исследователями, наличием водного источника [Останина, 1997, с. 24]: умершие укладывались головой или ногами вниз по течению реки. Эта зависимость прослежена и для группы, оставившей Старо-Муштинские курганы: южная с отклонением к западу ориентировка умерших соответствует течению р. Белой [Сунгатов и др., 2004, с. 50–51].

Погребальный инвентарь захоронений с НС

Доля данной группы погребений в каждом из рассматриваемых могильников неодинакова и варьируется от 2,0 до 13,7 % (табл. 1): наибольшие показатели зафиксированы в Боярском (13,7 %), Чепанихинском (12,5 %), Сайгатском (9,3 %) могильниках, наименьшие — в Усть-Сарапульском некрополе (2,0 %). Всего в них обнаружено более 395 наконечников стрел. Количество стрел в одном погребении могло достигать 7–13 экз., что является скорее исключением и характерно лишь для двух могильников: Тураевского I (22, 36, 95, 209) и Боярского (22, 115А и Б, 119). Преобладали все же в мазунинских погребениях по 1 (61 случай), 2 (29 случаев), 3 (20 случаев) или 4 (19 случаев) «символических» стрелы, реже — по 5 или 6 экз. (7 и 6 случаев соответственно).

Таблица 1

Могильники мазунинского типа с наконечниками стрел

Table 1

Mazinino burials with arrowheads

Могильники	Кол-во погребений / % (от общего кол-ва могил)	Кол-во костяков / % (от кол-ва костяков, обнаруженных в погребениях)	№№ погребений
Тарасовский (мазунинская часть)	44 / 5,1 (871)	40 / 4,4 (917)	1, 35, 49, 64, 117, 164, 205, 241, 243, 256, 263, 266, 319, 380, 452, 453, 484, 552, 620, 623, 680, 742, 789, 795, 807, 811, 813, 815, 834, 841, 914, 919, 924, 953, 960, 961, 1035, 1702, 1705, 1710, 1717, 1754, 1846, 1849
Боярский «Арай»	25 / 13,7 (183)	27 / 14,1 (192)	22, 23, 33, 40, 59, 63, 66, 72, 78, 82, 97, 98, 106, 107, 110, 111, 115, 119, 145, 146, 151, 153, 155, 156, 183
Тураевский I (грунтовая часть)	17 / 6,2 (274)	17 / 5,8 (294)	22, 28, 36, 65, 94, 95, 98, 103, 128, 139, 140, 171, 196, 197, 209, 258, 268
Ижевский	14 / 6,6 (211)	14 / 6,3 (223)	2, 3, 16, 71, 80, 92, 95, 102, 104, 105, 120, 123, 135, 180
Покровский	13 / 3,6 (364)	13 / 3,2 (410)	5, 24, 31, 64, 79, 86, 98, 100, 104, 113, 142, 171, 216
Старо-Кабановский	10 / 6,5 (155)	10 / 6,0 (167)	12, 14, 17, 22, 26, 63, 95, 111, 118, 137
Дубровский	7 / 3,4 (203)	7 / 4,0 (175)	57, 74, 129, 135, 139, 143, 199
Чепанихинский	5 / 12,5 (40)	5 / 12,2 (41)	3, 11, 28, 37, 38
Сайгатский	4 / 9,3 (43)	4 / 9,1 (44)	7, 10, 23, 32
Старо-Муштинский	4 / 3,9 (102)	Нет сведений	к. 2/1, к. 3/1, к. 16/1, к. 20/6
Мазунинский	3 / 4,3 (69)	3 / 4,2 (72)	19, 56, 62
Усть-Сарапульский	2 / 2,0 (100)	2 / 1,8 (109)	86, 88

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

Закономерности в расположении стрел в погребении, как уже отмечалось исследователями [Генинг, 1967b, с. 18; Останина, 1997, с. 30], наблюдаются главным образом по отношению к нижнему отделу скелета: преимущественно у левой стопы (40 случаев) (рис. 2), голени (22 случая), бедра и колена (10 случаев) либо между бедренных костей, голеней или стоп (15 случаев), в области тазовых костей (7 случаев) или обобщенно — в ногах (15 случаев). Реже стрелы помещались рядом с правой нижней конечностью (бедро, голень, стопа — 13 случаев) либо в области черепа и верхних конечностей (руки, грудная клетка — 25 случаев). В погребениях, где наконечников стрел более двух, они лежали, как правило, вместе, скученно. Хаотичное расположение отмечено только в погр. 115А Боярского могильника, анатомический порядок скелета которого, как уже упоминалось выше, нарушен.

Костяные наконечники в коллекциях мазунинских могильников количественно преобладают (119 погребений, 80,4 %); железные экземпляры обнаружены всего в 22 погребениях (14,9 %): Тарасово 49, 453, 552, 811, 1035, 1754; Тураево 28, 65, 94, 103, 268 (А и Б); Ижевск 2; Чепаниха 38; Мазунино 19, 62; Сайгатка 10; Усть-Сарапулка 86, 88; Старо-Кабаново 14, 26, 137; Старая Мушта, к. 2/1. Совместное их помещение зафиксировано в 7 случаях (4,7 %: Тарасово 1846; Тураево 95, 171; Дубровский 57; Старо-Кабаново 22; Старая Мушта, к. 20/6; Боярка 115Б). Как длительное переживание традиции можно отметить стрелы из цветного металла (Тарасово 680Б) или камня (Боярка 82, вместе с костяными НС).

Классификация мазунинских НС известна в различных вариантах [Генинг, 1967b, с. 31; Иванов, 1984, с. 23; Останина, 1997, с. 76–77; Голдина, Бернц, 2010, с. 135–136]. Авторы не ставили перед собой такой задачи специально, но для полноты сюжета вынуждены были обратиться к процедуре классификации имевшихся в нашем распоряжении артефактов. Это опубликованные материалы Тарасовского, Тураевского I, Старо-Муштинского, Сайгатского, Мазунинского, Ижевского, Чепанихинского, Старо-Кабановского, Усть-Сарапульского некрополей, а также еще не изданные материалы Боярского и Дубровского могильников (раскопки Е.М. Черных).

Весь массив наконечников стрел был разделен на группы по материалу; классы выделены по способу насада (черешковые, втульчатые), отделы — по сечению пера (треугольное, четырехгранное и т.д.), типы и подтипы — по форме пера и оформлению насада (черешок с упором или без него, внутренняя или выступающая втулка) (рис. 3). Однако именно форма пера оказалась самым нестабильным признаком в классификации. В ее определении всегда присутствует субъективный взгляд исследователя, обусловленный отсутствием в древности стандартов изготовления изделий из кости [Крис, 1976, с. 145]. Ручной труд, доступность материала и технологии изготовления привели к вариативности одних и тех же форм НС. Так, прямые и относительно ровные боковые грани пера, близкие к фигуре «треугольник» или «пирамида», имели решающее значение при атрибуции треугольной или треугольно-пирамидальной формы стрелы; плавные очертания соотносились с формой наконечника «лист», «сводчато-пирамидальный», «иволистный». Последние всегда выделяются по метрическим показателям — длинные и узкие.

Среди мазунинских костяных стрел встречаются как черешковые, так и втульчатые экземпляры с трехгранным и четырехгранным сечением пера (рис. 3, 8, 11, 12, 15, 17–19); среди первых (черешковых) известны и достаточно редкие образцы с пятигранным (Мазунино 56), сегментовидным (рис. 3, 16, 20), трапецевидным (рис. 3, 14), трапецевидно- и треугольно-выемчатым (рис. 2, 4; 3, 7, 10), линзовидным (рис. 3, 6), овальным (рис. 3, 9) и круглым (рис. 3, 13) сечением ударных частей. Аналогии последнему обнаружены в гляденовских памятниках [Перескоков, 2018, с. 74, рис. 51, 93–95]. Стрелы с выемчатым сечением были известны в ананьинское время; изготавливались подобные образцы из плюсневых костей северного оленя [Ашихмина и др., 2006, с. 31, рис. 15, 16].

Среди черешковых стрел условно выделяются следующие типы: треугольные (или вытянуто-треугольные: рис. 2, 2, 5; 3, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 17, 18), листовидные (в том числе иволистные: рис. 2, 3, 4, 6; 3, 15, 16, 19), ромбовидные (рис. 3, 8). Переход к черешку оформлен с помощью упора (прямого или сглаженного: рис. 3, 7, 10, 14, 19), иногда с небольшими шипами (рис. 3, 6, 9, 17, 18), встречаются стрелы и без него (рис. 3, 12, 13, 16). При этом мазунинцами чаще использовались стрелы со сглаженным упором или без него. К примеру, в Боярском могильнике прямой упор и шипы, типичные, по мнению некоторых исследователей, для азелинских памятников [Иванов, 1984, с. 23; Матвеев, 2013, с. 102–111], фиксируются у 1/5 НС (21 экз.).

Форма пера втульчатых наконечников различна: треугольно-пирамидальная (рис. 3, 3, 5), сводчато-пирамидальная (рис. 3, 1, 2), бипирамидальная (рис. 3, 4). Редки образцы втульчатых стрел с выступающей втулкой (пп. 263 и 319 Тарасовского могильника: рис. 3, 1); в остальных

случаях втулка расположена внутри тела НС (Ижевск 80А, Чепаниха 28, Сайгатка 7, Тарасово 35Б, 484, 742. 1717: рис. 3, 2–5).

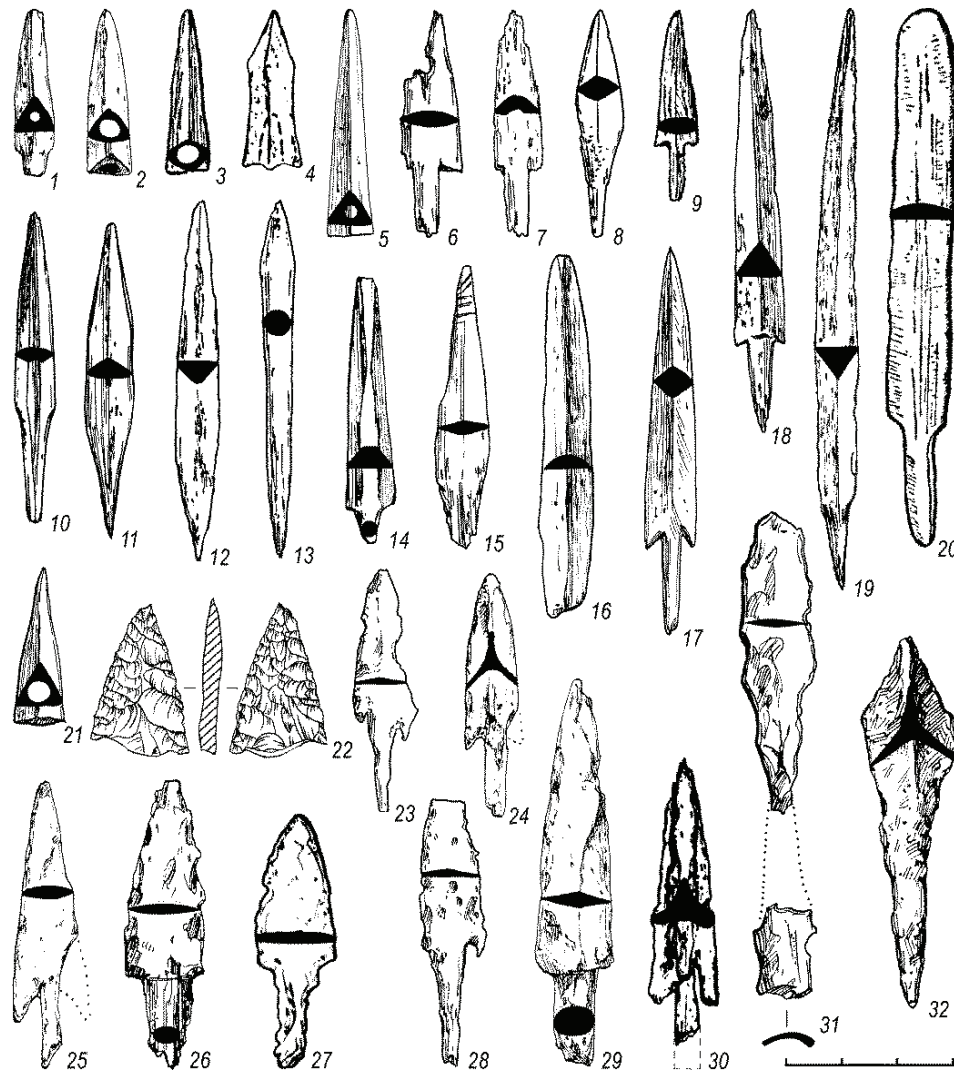

Рис. 3. Наконечники стрел из мазунинских погребений:

1 — Тарасово 263; 2 — Тарасово 914; 3, 9 — Ижевск 80А; 4 — Сайгатка 23; 5 — Тарасово 319; 6 — Боярка 110; 7 — Боярка 145Б; 8, 12, 13 — Боярка 22; 10 — Боярка 78; 11 — Боярка 153; 14 — Тураево 36; 15 — Боярка 106; 16 — Тураево 95; 17 — Тарасово 452А; 18 — Боярка 115А; 19 — Боярка 119; 20 — Ижевск 71; 21 — Тарасово 680Б; 22 — Боярка 82; 23, 28 — Боярка 115Б; 24, 25 — Тарасово 552; 26 — Тураево 171; 27 — Усть-Сарапулка 86; 29 — Тарасово 1754; 30 — Усть-Сарапулка 88; 31 — Тураево 28; 32 — Тарасово 49 (1–20 — кость; 21 — цветной металл; 22 — камень; 23–32 — железо).

Fig. 3. Arrowheads from the Mazunino burials:

1 — Tarasovo 263; 2 — Tarasovo 914; 3, 9 — Izhevsk 80A; 4 — Saygatka 23; 5 — Tarasovo 319; 6 — Boyarka 110; 7 — Boyarka 145B; 8, 12, 13 — Boyarka 22; 10 — Boyarka 78; 11 — Boyarka 153; 14 — Turaevo 36; 15 — Boyarka 106; 16 — Turaevo 95; 17 — Tarasovo 452A; 18 — Boyarka 115A; 19 — Boyarka 119; 20 — Izhevsk 71; 21 — Tarasovo 680B; 22 — Boyarka 82; 23, 28 — Boyarka 115B; 24, 25 — Tarasovo 552; 26 — Turaevo 171; 27 — Ust-Sarapulka 86; 29 — Tarasovo 1754; 30 — Ust-Sarapulka 88; 31 — Turaevo 28; 32 — Tarasovo 49 (1–20 — animal bone; 21 — non-ferrous metal; 22 — stone; 23–32 — iron).

Довольно редкие экземпляры НС происходят из Боярского могильника; один из них имеет короткую конусовидную головку и длинную вытянутую шейку (погр. 22: рис. 3, 13), а другой ромбовидную с вогнутыми сторонами форму пера (погр. 153: рис. 3, 11). Последний находит аналогии среди более ранних ананьинских стрел [Ашихмина и др., 2006, с. 28, 125, 127, рис. 4, 9; 6, 3]. Довольно необычен наконечник из Ижевского могильника (погр. 80А) с длинным пером прямоугольной формы и закругленным острием (рис. 3, 20).

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

Связь мазунинских костяных черешковых НС с предшествующими традициями изготовления таких изделий в ананьинской и пьяноборской (чегандинской) среде [Останина, 1997, с. 77] не вызывает сомнений. Однако, по мнению В.А. Иванова, в пьяноборское время они в большей степени характерны для населения кара-абызской культуры Средней Белой (69,5 %), нежели для чегандинцев (всего 5 %) [1984, с. 12, 14]. Б.Б. Агеевым для чегандинских памятников учтено всего 63 черешковых и 985 втульчатых НС [1992, с. 45]. Выпадение последних лишь в четырех мазунинских могильниках Средней Камы неслучайно и, скорее всего, обусловлено хронологически, однако сами комплексы погребений невыразительны¹.

Среди железных НС известны как втульчатые, так и черешковые экземпляры. Первые имеют линзовидное сечение, листовидную или ромбическую форму пера и выступающую втулку (Тураево 28; Старо-Кабаново 26, 137: рис. 3, 31). Типологически им близки 2 экз. из кургана VII/1 Тураевского могильника [Генинг, 1976, с. 77, рис. 14, 2; 32, 15, 16]. Помимо азелинских могильников, аналогии данному типу Р.В. Матвеев находит в древнемордовских и черняховских памятниках [2013, с. 87–88; Лещинская, 2014, табл. 48, 5]; встречаются они и в гляденовских древностях (Мокинский могильник (?), Луневское II селище, Гляденовское костище) [Перескоков, 2018, с. 74, рис. 53, 1, 9; 54, 8, 36–38]. Ассортимент черешковых наконечников намного шире. Известны стрелы с линзовидным, трехгранным, четырехгранным сечением и треугольной или листовидной формой ударной части; переход к черешку у данных экземпляров оформлен в виде прямого (рис. 3, 26, 27, 29) или сглаженного (Чепаниха 38; Тарасово 1035; Тураево п. 94, курган I/2) упора, шипов (рис. 3, 23, 25, 28). Ближайшие аналогии черешковым стрелам с упором также обнаруживаются в азелинских и гляденовских коллекциях [Матвеев, 2012, с. 319, 321, табл. 2, 10–15; Перескоков, 2018, с. 75, рис. 53, 3–6, 15, 21, 36; 54, 3, 7, 13, 14, 35]. Круг подобных двушипных НС в памятниках конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. достаточно широк: это прежде всего азелинские могильники, памятники писеральско-андреевского круга (Андреевский курган, Писеральские курганы, городище Пичке-Сорче), Кошибеевский могильник, дьяковские, а также гляденовские, постзарубинецкие, пшеворские древности [Гришаков, Зубов, 2009, с. 21, 46–47; Лещинская, 2014, с. 71, табл. 48, 20–22; Матвеев, 2012, с. 318, 319, табл. 2, 17–23]. Обнаружены в мазунинских могильниках и трехлопастные стрелы с ромбическим (Тарасово 49; Старо-Кабаново 22: рис. 3, 32), треугольным или листовидным пером (Усть-Сарапулка 88; Тарасово 552, 1846; Старо-Кабаново 14 и др.: рис. 3, 24, 30). Близкие, но не идентичные последним стрелы встречаются в азелинских [Матвеев, 2012, с. 318, табл. 2, 29], позднесарматских [Хазанов, 1971, табл. XXII] и гуннских [Засецкая, 1994, с. 37, 39, рис. 6, 9] материалах.

Единственный в своем роде бронзовый втульчатый наконечник стрелы из Тарасовского могильника (погр. 680Б) повторяет форму костяных экземпляров — треугольно-пирамидальная, с чуть выпуклыми в средней части пера боковыми сторонами; втулка его спрятана вовнутрь (рис. 3, 21). Особняком в коллекции мазунинских НС стоит довольно любопытная находка в Боярском могильнике (погр. 82) черешковой части стрелы из яшмовидной гальки, покрытой сплошной двусторонней ретушью (рис. 3, 22). Отмечена в области таза погребенного, с левой стороны, как и прочие наконечники стрел, острием к ногам. Вряд ли данный предмет использовался по назначению, скорее всего, служил владельцу чем-то вроде апотропея.

Присутствие стрел в составе сопровождающего погребального инвентаря коррелируется с индивидами мужского пола: половозрастные определения выполнены для 78 костяков (53,4 %) из 8 могильников — Тарасово, Тураево, Покровский, Ижевск, Мазунино, Чепаниха, Дубровский, Боярка [Голдина, Бернц, 2010, с. 11–63; Голдина и др., 2015, с. 118, 120, ил. 42, 44; Останина, 1984, с. 55–58, 61; Останина, 1992, с. 44–60; Акимова, 1961]. Известны случаи помещения стрел в детские (Тарасово 620Б, 841; Покровское 79) и женские (Тарасово 552, 680Б, 789, 807, 811, 924Б, 960, 961, 1035, 1754; Тураево 103, 128; Покровское 86, 113, 216; Ижевск 92, 105; Мазунино 62) погребения. Возрастной показатель для мужчин и женщин с НС одинаков — 16–55 лет и старше, для детей — до 3 лет и 7–9 лет. Стоит отметить, что инвентарь женской группы близок к

¹ Хронологически показательными среди них «ранние» поясные накладки с частыми надпилами и обильным фасетированием (тип Останина-1 [1997, с. 57, рис. 11, 15, 16]), датируемые III в. н.э. [Останина, 1997, рис. 51, 67, 68] или его 1-й половиной [Голдина, Бернц, 2016, рис. 2, 4, 12, с. 20–22], хотя другие гладкие экземпляры (без фасетировки: Сайгатка 7, Тарасово 35Б, 484, 742, 1717) могли использоваться и позднее — во 2-й половине III — IV в. [Голдина, Бернц, 2016, рис. 6, 53, 55]. В рамках последней даты, возможно, укладывается комплекс из азелинского погр. 73 Рождественского V могильника (пряжки Малашев-П7, Лещинская-3г), где также обнаружен костяной втульчатый НС, аналогичный некоторым мазунинским образцам (например, Тарасово 484, 1717; Ижевск 80А) [Старостин, 2009, с. 98, 99, рис. 15, 4, 5, 31, 39, 40; Малашев, 2000, с. 196, 200, 207; Лещинская, 2014, с. 67, 171, 172, табл. 88; 90, 7].

«мужским наборам», за исключением нескольких погребений (Тарасово 680Б, 1754, Тураево 103, Мазунино 62, Ижевск 92), в которых обнаружены бабочковидные фибулы, наборные пояса и жертвенные комплексы с выразительными украшениями — височными подвесками мазунинского типа, браслетами, гривнами, бусами и бисером и т.д. Замечено, что данные комплексы содержали лишь по одному НС (преимущественно железному), которые, вероятно, следует рассматривать как амулет или дар умершей. Кроме того, сугубо «женские» наборы характеризуют единичные погребения с НС Мазунинского (погр. 19), Сайгатского (погр. 10), Старо-Муштинского (кк. 2/1 и 16/1) могильников, но, к сожалению, пол и возраст индивидов в них не определен. Стрелы в таких погребениях были уложены в области черепа, нижних конечностей либо в жертвенных комплексах.

В «мужских» погребальных наборах условно выделяются две группы. Первая из них (и наиболее многочисленная — 118 случаев, 78,1 %; подсчитано от 151 погребального комплекса) характеризуется наличием в погребальном инвентаре только одного вида оружия — наконечников стрел. Разнообразие категорий инвентаря здесь ограничивается 6 комбинациями (табл. 2), среди которых наиболее распространено сочетание стрел с простой поясной гарнитурой (пряжка и наконечник ремня), железным ножом и каким-нибудь предметом (крючок, пронизка и др.) или без него (34 случая). Особое место в этой группе занимают комплексы погребений, в которых найдены расправленные вдоль тела («статусные») наборные пояса с железными или бронзовыми накладками (12 случаев: Тарасово 380, 453, 484, 742, 811, 815, 1717; Боярка 23А; Сайгатка 7; Покровский 31А, 113; Усть-Сарапулка 88).

Таблица 2

Сочетание погребального инвентаря в группе 1

Table 2

Combinations of grave goods in the first group of Mazunino archers

Могильники, №№ погр. Категории инвентаря	Тарасово	Тураево	Ижевск	Чепаныха	Дубровский	Сайгатка	Покровское	Боярка	У.-Сарапулка	Ст.-Кабаново	Ст.Мушта	Мазунино	Всего
Только стрелы	623, 924Б	—	102Б	—	—	—	—	66Б, 72, 115А	—	118	—	56	8
Стрелы + предмет (бусина / подвеска / сосуд /кость)	205, 841, 953, 1710, 1846	—	104, 123	—	—	—	—	63 156	—	—	3/1	—	10
Стрелы + пряжка и (или) бусина / пронизка / накладка	117, 266, 960	—	80А, 120Б, 135	3, 11, 28	74	32	104	33А, 33Б, 59, 111 155	—	14	20/6	—	19
Стрелы + поясная гарнитура + нож + предмет (крючок / пронизка / бляшка / шило / пинцет)	49, 319, 552, 834, 961, 1702, 1849	209	71, 105	38	57, 129, 135, 139	23	5, 24, 86, 98, 142А, 216	40, 82, 97, 98, 106, 146, 151, 153	—	17, 26, 95, 111	—	—	34
Стрелы + нож + предмет (накладка / шило / пинцет, крючок, оселок и др.)	35Б, 64, 263, 789, 813, 914, 1035	94, 140А	95А	—	143	—	64, 79	22, 107, 145Б	—	63	—	—	17
Стрелы + поясная гарнитура + нож + бусина + предмет (сюльгама / шило / пинцет / пронизка / крючок и др.)	1, 452А, 620Б, 795, 807	128, 139, 258, 268Б	—	37	199	—	171, 100А	78, 110, 115А, 183	86	—	—	—	18
Всего	29	7	9	5	7	2	11	25	1	7	2	1	106

Вторая группа представлена всего 23 случаями (15,2 %; подсчитано от 151 погребального комплекта) и отличается от остальных захоронений достаточно широким видовым ассортиментом оружия: наконечниками стрел, мечами, топорами (проушными (Тураево 36, 65, 95, 98, 196; Старо-Кабаново 22, 137), втульчатыми (Тарасово 1705)) и «секировидными» предметами (Ижевск 180, Старо-Кабаново 137)), копьями и дротиками, боевыми косами, а также находками деталей конской упряжи (табл. 3). Основу погребальных наборов составляли предметы группы 1 (простая поясная гарнитура, железные ножи, крючки, бусины и т.д.) в сочетании с наборными поясами и обувными наборами. Замечено, что наиболее распространенной в погребениях груп-

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

пы 2 является комбинация «стрелы + наконечник копья / дротика», изредка дополнявшаяся конским снаряжением (9 случаев, табл. 3). Однако полный комплект вооружения в таких комплексах не зафиксирован, что позволяет высказать, пока весьма осторожно, предположение о существовании в исследуемой выборке более узкой специализации «воинов». Однако это замечание окажется справедливым лишь после специального изучения данной группы захоронений в мазунинских могильниках в целом.

Таблица 3

Сочетание предметов вооружения в группе 2

Table 3

Combinations of weapons in the second group of Mazunino archers

Оружие № погребения	Стрелы	Наконечник копья / дротика	Топор	Боевая коса	Меч	Конская упряжь и (или) удила
Тарасово 164	+	+	-	-	-	-
Тарасово 243	+	+	-	-	-	-
Тарасово 256	+	+	-	-	-	-
Тарасово 919А	+	+	-	-	-	-
Тураево 28	+	+	-	-	-	-
Тураево 268А	+	+	-	-	-	-
Боярка 119	+	+	-	-	-	-
Тураево 22	+	+	-	-	-	+
Тураево 197	+	+	-	-	-	+
Тарасово 1705	+	-	+	-	-	-
Тураево 98	+	-	+	-	-	+
Ижевск 180	+	-	+	-	-	+
Тураево 95	+	+	+	-	-	-
Тураево 196	+	+	+	-	-	-
Тураево 36	+	+	+	-	-	+
Тураево 65	+	+	+	-	-	+
Ст.-Кабаново 22	+	-	+	+	-	-
Ст.-Кабаново 137	+	+	+	+	-	-
Ижевск 16	+	-	-	-	+	+
Тарасово 241	+	-	-	-	+	-
Тураево 171	+	+	-	-	+	+
Ижевск 3	+	-	-	-	-	+
Ст.-Кабаново, 12	+	-	-	-	-	+

Колчаны в погребениях мазунинских «лучников» практически неизвестны. По мнению А.А. Красноперова, за их остатки можно принять находки в погр. 562 Бирского и погр. 85 Тураевского могильников (грунтовая часть) [2013, с. 29–31, рис. 1А, Б]. В первом случае сохранились только две бронзовые накладки прямоугольной формы, декорированные рядами выпуклых полугорошин, пробитые вдоль одной из сторон бронзовыми гвоздиками с полусферическими шляпками. У второго колчана, как считает публикатор, конической формы, одна из сторон деревянной основы была украшена бронзовыми гвоздиками с полусферическими шляпками; чуть выше середины колчана фиксировалась бронзовая накладка с декором в виде крупных и мелких полугорошин. К нему же относятся 6 безязычковых пряжек, зафиксированных *in situ* в верхней части предмета. Характерно, что в обоих указанных погребениях НС отсутствуют. К этому списку, вероятно, следует добавить предмет из Тураевского кургана I/2, интерпретированный В.Ф. Генингом как остатки колчана с деревянной основой, имевшей железную оковку; внутри него находилось 3 железных черешковых стрелы. В комплект к колчану шли медные кольца (или безязычковые пряжки), медная пряжка и серебряное кольцо с двумя обоймами. [Генинг, 1976, с. 62, рис. 25, 7, 17, 21, 24, 29]. Все 3 гипотетических колчана размещались в погребениях по-разному: в Бирском могильнике — у правого плеча умершего, в грунтовой части Тураевского некрополя — вдоль левой ноги (?), в курганной части — между коленей, поперек (?).

Выводы

Анализ погребений с наконечниками стрел из 12 могильников мазунинского типа Среднего Прикамья показал, что такие захоронения в своих общих чертах соответствуют погребальным практикам, характерным для большей части мазунинского населения. Отклонения от общего стереотипа погребального обряда (глубокие ямы неправильной формы, культ огня, использование мела, атипичные положения костяков в могилах и т.д.) довольно редки и могут свиде-

тельствовать о тесных контактах мазунинских общин с представителями иных культур и этносов, в первую очередь с номадами степного порубежья.

Наконечники стрел как атрибут мужской субкультуры фиксируются в погребениях преимущественно в области нижних конечностей захороненных. Особое значение, по-видимому, придавалось левой стороне, что косвенно может указывать на местоположение колчана в экипировке лучника. Полные колчаны при погребении чаще замещались несколькими («символическими») стрелами, которые укладывались кучкой возле тела умершего. В немногочисленных женских погребениях (с большим количеством типично мазунинских украшений в жертвенных/дарственных комплексах, а также наборными поясами) присутствие стрел могло определяться магической функцией таких предметов или подношением их в составе даров умершей.

Костяные стрелы, входившие в основной комплект сопроводительного инвентаря мазунинских мужских погребений, продолжают ананьинско-пьяноборские (чегандинские)/караабызские традиции в изготовлении таких изделий. По своим характеристикам, а также по совместному нахождению с железными стрелами, они, по-видимому, составляли реальное боевое снаряжение мазунинских воинов. Один из погребенных в Боярском могильнике (погр. 78) был убит такой стрелой, застрявшей в его правой подвздошной кости. Ассортимент железных наконечников достаточно разнообразен и обнаруживает аналоги, в первую очередь, среди ближайшего западного (азелинского), северо-восточного (гляденовского) и южного кочевнического окружения «мазунинцев».

Детальный анализ взаимовстречаемости инвентаря в «мужских» погребальных наборах с наконечниками стрел позволил выделить две условные группы погребений. Так, индивиды группы 1, составившие большую часть исследуемой выборки, очевидно, владели только данным видом метательного оружия. Состав их погребальных наборов — простые пояса, железные ножи, единичные бусины и другие предметы — в целом типичен для мужской части мазунинского населения. Заметно отличаются от них индивиды группы 2, владевшие различными видами оружия как дистанционного (копья и/или дротики, боевые косы), так и ближнего боя — мечами, топорами, и передвигавшиеся нередко верхом на лошадях. Вероятно, среди них можно выделить и более выраженную градацию, которую еще предстоит обосновать на значительно большей выборке мазунинских погребений.

Но вернемся к погребениям Боярского могильника с НС, послужившим поводом для выполнения данного исследования. Согласно антропологическим определениям они принадлежали мужчинам от 16 до 55 лет и старше. По составу погребального инвентаря боярские лучники практически ничем не выделяются из общей массы мужских погребений могильника. Но при этом они, вероятно, составляли наиболее боеспособную часть боярского социума, поскольку более половины мужчин в данном некрополе (36 костяков, 55,3 %) были захоронены вообще без оружия. Погребальный обряд и инвентарь боярских захоронений с НС соответствуют мазунинским погребальным стандартам. Выявленные на антропологических материалах некрополя конституциональные различия в мужской серии погребенных, вероятно, могут оказаться справедливыми только для данной боярской общины. Во всяком случае, сделанные наблюдения требуют верификации, и прежде всего в антропологических сериях из остальных могильников мазунинского типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2010 года. Ижевск, 2011 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 532.

Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II — IV вв. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2002 г. Ижевск, 2003 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 421.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2003 г. Ижевск, 2004 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 422.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2004 г. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 438.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2005 г. Ижевск, 2006 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 449.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2007 г. Ижевск, 2008 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 484.

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской республики, проведенных летом 2008 г. Ижевск, 2009 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 495.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2009 г. Ижевск, 2010 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 518.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2012 года. Ижевск, 2013 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 569, 569а.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2013 года. Ижевск, 2014 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 578.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях (раскопках) в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2017 года (Дубровский могильник и селище). Ижевск, 2018 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 622.

Литература

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Акимова М.С. Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья (III–VI вв. н.э.) // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии. М.: б/и, 1961. Вып. 2. С. 305–314.

Арма тынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов: б/и, 1986. С. 26–46.

Арма тынская О.В. Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху раннего железного века (конец IV в. до н.э. — V в. н.э.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 92–104.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шатапов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск: Удмуртский университет, 2006. 220 с.

Бернц В.А., Черных Е.М., Липина Л.И. Меч и всадник эпохи Великого переселения народов: комплекс погребения 11 Дубровского могильника в Южной Удмуртии // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 130–147.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник — памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.

Волков С.Р., Сабиров Т.Р. Комплекс вооружения Тарасовского могильника I–V вв. н.э. // Удмуртия: История и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы и перспективы функционирования родных языков», посвящ. 85-летию государственности УР. Ижевск, 2005. С. 9–14.

Генинг В.Ф. Ижевский могильник IV–V вв. // ВАУ. Свердловск; Ижевск: б/и, 1967а. Вып. 7. С. 123–140.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Свердловск; Ижевск: б/и, 1967b. Вып. 7. С. 7–68.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э.: (Захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань: Казанский филиал АН СССР, 1976. С. 55–108.

Генинг В.Ф., Мырзина Е.М. Мазунинский могильник // ВАУ. Свердловск; Ижевск: б/и, 1967. Вып. 7. С. 85–115.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья — своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. — IX в. н.э.) // Бусы могильников неволинской культуры (конец IV — IX в.). Ижевск: б/и, 2010. С. 156–260.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Казань, Ижевск: Удмуртский университет, 2015. Т. III. 297 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. I // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. II // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д. О миграциях гото-славян в Волго-Камье в III–IV вв. н.э. // XXI Урал. археол. совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара, 2018. С. 283–289.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб.: Элипс Лтд, 1994. 224 с.

Зыков А.П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Уфимский археологический вестник. 2011. № 11. С. 66–79.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

Красноперов А.А. Колчаны в мазунинских погребениях // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 29–31.

- Крис Х.И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища: (Классификация и хронология) // Древнее поселение в Подмоскowie. М.: Наука, 1970. С. 145–170.
- Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.
- Малашеев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д: Терра, 2000. Вып. 1. С. 194–232.
- Матвеев Р.В.* Наконечники стрел Рождественского V могильника // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 316–323.
- Овсянников В.В.* Погребения «военачальников»: (К проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа: Конкорд-Инвест, 1994. С. 52–88.
- Останина Т.И.* Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.
- Останина Т.И.* Покровский могильник: Каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртия, 1992. 96 с.
- Останина Т.И.* Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.
- Семенов В.А.* Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии // ВАУ. Свердловск; Ижевск: б/и, 1967. Вып. 7. С. 116–122.
- Старостин П.Н.* Рождественский V могильник // Археология Евразийских степей. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. Вып. 9. 144 с.
- Статистическая* обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М.: Институт археологии РАН, 1997. 276 с.
- Статистическая* обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М.: Вост. лит., 2009. 176 с.
- Стоянов В.Е.* Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Свердловск: б/и, 1962. Вып. 4. С. 117–134.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху Великого переселения народов: (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.
- Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VII веков: Обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедия, 2000. 164 с.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 184 с.
- Черных Е.М., Хайруллина О.Ф.* Боярский («Арай») могильник — новый памятник эпохи Великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 86–106.
- Широбоков И.Г., Черных Е.М.* Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.
- Широбоков И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И.* Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 499–512.

O.F. Khairullina, E.M. Chernykh

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, bld. 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation
E-mail: olenbka93@bk.ru; emch59@mail.ru

Burials with arrowheads in graves of the Mazunino Culture in the Middle Kama Region

The paper is focused on burial grounds of the Mazunino Culture (or Mazunino stage of the Cheganda Culture of the Pyany Bor Cultural-Historical Community by R.D. Goldina) in the Middle Kama Region. They date to the 3rd–5th c. AD and chronologically correlate with the Great Migration Period. The processes of major and minor migrations of that time had an impact on various components of the autochthonous Kama Region cultures. The focus of our research is the burials with throwing weapons, primarily arrowheads found in the Mazunino archers' burials. The interest in throwing weapon was triggered by the heuristical observation of anthropologist Ivan G. Shirobokov for the Boyar «Aray» cemetery, where the existence of morphological differences in a group of buried men with arrowheads was statistically proven. To examine this phenomenon, a working hypothesis was put forward: intra-group differences of one small necropolis could be reflected in the burial rite and the grave goods of all Mazunino archers' burials. In total, 148 burials and 146 skeletons with arrowheads from 12 necropolises of the Mazunino Culture have been examined. The comparative analysis of the burial rite features demonstrated a stable correlation between the presence of arrowheads and male burials. The archers' burials correspond to the burial practices of the majority of the Mazunino population. Rare deviations suggest close relations between local communities and other cultures and ethnicities, primarily with nomadic tribes. Bone arrowheads as a primary weapon of the Mazunino warriors continue the previous traditions of the Ananyino, Pyany Bor (Cheganda) / Kara-Abyz Cultures. A comprehensive analysis of the inter-occurrence of implements in male equipment with arrow-

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

heads allowed distinguishing two conventional groups of burials. The first one is characterized by the presence of only arrowheads in the burial equipment. These grave goods were typical for Mazunino population and consisted of ordinary belts, iron knives, beads, etc. The second group was significantly different, as these were individuals who were skilled in using various weapons, and their kit included various types of weapons for both close and long-range combat. Probably, there was a military gradation among such archers, which needs to be supported by analysis of a larger number of the Mazunino burials. The results of our work need to be verified using the anthropological materials from other Mazunino burial grounds.

Key words: Western Cis-Ural, Middle Kama region, Mazunino Culture, necropolis, burial rite, weaponry, arrowheads.

REFERENCES

- Ageev B.B. (1992). *The Pyanobor culture*. Ufa: BSC UB RAS. (Rus.).
- Akimova M.S. (1961). The anthropological materials of Mazunino culture of the Kama region (III–VI centuries A.D.). In: O.N. Bader (Ed.). *Otchety Kamskoi (Votkinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii* (pp. 305–314). Moscow. (Rus.).
- Armatynskaia O.V. (1986). The Ust-Sarapulsky burial ground. In: A.A. Tronin (Ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka* (pp. 26–46). Ustinov. (Rus.).
- Armatynskaia O.V. (1991). The specifics of the burial traditions of the population between the rivers Kama and Belaya in the Early Iron Age (the late IV century BC — V century AD). In: M.G. Ivanova, N.I. Shutova (Eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov* (pp. 92–104). Izhevsk: The Udmurt Institute of History, Language and Literature UB USSR AS. (Rus.).
- Ashikhmina L.I., Chernykh E.M., Shatalov V.A. (2006). *Vyatka region on the eve of the Iron Age: Bone inventory of the Ananyin period (the first millennium BC)*. Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Bernts V.A., Chernykh E.M., Lipina L.I. (2015). A sword and rider of the Great migration: Complex of the grave 11 of the Dubrovsky burial ground in South Udmurtia. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (15), 130–147. (Rus.).
- Chernykh E.M., Khairullina O.F. (2018). Boyarka (Aray) burial ground — a new site of the Migration period in the Middle Kama region. *The Archaeology of the Eurasian Steppe*, (1), 86–106. (Rus.).
- Flerov V.S. (2000). *The Alans of the Central Caucasus foothills in the 5th–8th centuries: Prophylactic rite directed against the dead*. Moscow: Polymedia. (Rus.).
- Gening V.F. (1967a). The Izhevsk burial ground of the IV–V AD. In: A.F. Medvedev (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala. Pamiatniki mazuninskoi kul'tury* (pp. 123–140). Sverdlovsk; Izhevsk. (Rus.).
- Gening V.F. (1967b). The Mazunino culture in the Middle Kama region. In: A.F. Medvedev (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala. Pamiatniki mazuninskoi kul'tury* (pp. 7–84). Sverdlovsk; Izhevsk. (Rus.).
- Gening V.F. (1976). The Turaevo burial ground of the 5th century AD: (The tombs of the generals). In: A.Kh. Khalikov (Ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia* (pp. 55–108). Kazan: The Kazan Branch of the USSR AS. (Rus.).
- Gening V.F., Myrsina E.M. (1967). The Mazunino burial ground. In: A.F. Medvedev (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala. Pamiatniki mazuninskoi kul'tury* (pp. 85–115). Sverdlovsk; Izhevsk. (Rus.).
- Goldina E.V., Goldina R.D. (2010). «A far import» of the Kama region as a demonstration of the process of interaction of the nations of Eurasia (VIII century BC — IX century AD). In: *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV — IX v.)* (pp. 156–260). Izhevsk. (Rus.).
- Goldina R.D. (2003). *The Tarasovo burial ground of the I–V centuries AD on the Middle Kama. Vol. 2*. Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Goldina R.D., Bernts V.A. (2010). *The Turaevo I burial ground — a unique monument of the Great Migration period in the Middle Kama region*. Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Goldina R.D., Sabirov T.R., Sabirova T.M. (2015). *The burial rite of the Tarasovo burial ground of the I–V centuries A.D. on the Middle Kama. Vol. 3*. Kazan; Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Goldina R.D., Bernts V.A. (2016). The chronology of the male burial III–V cent. AD of the Tarasovo burial ground. Part I. *Povolzhskaya arkheologiya*, (3), 17–58. (Rus.).
- Goldina R.D., Bernts V.A. (2017). The chronology of the male burial III–V cent. AD of the Tarasovo burial ground. Part II. *Povolzhskaya arkheologiya*, (1), 172–204. (Rus.).
- Goldina R.D. (2018). About migrations of the Gotho-Slavs in the Volga-Kama river in III–IV centuries AD. In: A.A. Vybornov (Ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie, posviashchennoe 85-letiiu so dnia rozhdeniia G.I. Matvevoi i 70-letiiu so dnia rozhdeniia I.B. Vasil'eva: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (pp. 283–289). Samara: The Samara State Technical University. (Rus.).
- Grishakov V.V., Zubov S.E. (2009). *The Andreyevskiy burial mound in the system of archaeological cultures of Eastern Europe in the Early Iron Age*. Kazan: Institute of History under Tatarstan AS. (Rus.).
- Ivanov V.A. (1984). *Armament and warfare of the Finno-Ugric peoples of the Urals in the Early Iron Age (the first millennium BC — the first centuries AD)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Khazanov A.M. (1971). *The military art of the Sarmatians*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Krasnoperov A.A. (2013). Quivers in Mazunino burials. In: A.N. Sultanova (Ed.). *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysiacheletia* (pp. 29–31). Ufa: Editorial and publishing center of the BashSU. (Rus.).

- Kris Kh.I. (1970). Bone and iron arrowheads of the Troitsky settlement: (Classification and chronology). In: K.F. Smirnov (Ed.). *Drevnee poselenie v Podmoskov'e* (pp. 145–170). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Leshchinskaia N.A. (2014). *Vyatka region in the Pyanobor era (based on the materials of funerary monuments of the I–V centuries AD)*. Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Malashev V.Iu. (2000). The periodization of belt headsets of the Late Sarmatian period. In: Iu.K. Guguev (Ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona* (pp. 194–232). Rostov-na-Donu: Terra. (Rus.).
- Matveev R.V. (2012). Arrowheads from Rozhdestveno V burial ground. *Filologija i kultura*, (4), 316–323. (Rus.).
- Ostanina T.I. (1984). Two of the burial ground of Mazunino culture in Central Udmurtia. In: T.I. Ostanina (Ed.). *Poiski, issledovaniia, otkrytiia* (pp. 26–92). Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Ostanina T.I. (1992). *The Pokrovsky burial ground: Catalogue of the archaeological collection*. Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Ostanina T.I. (1997). *The population of the Middle Kama region in the III–V centuries AD*. Izhevsk: The Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS. (Rus.).
- Ovsianikov V.V. (1994). Burials of «military leaders»: (To the problem of Finno-Permians military organization in the Kama region). In: *Vooruzhenie i voennoe delo drevnikh plemen luzhnogo Urala* (pp. 52–88). Ufa: Konkord-Invest. (Rus.).
- Pereskokov M.L. (2018). *Permian cis-Ural in the end of the Early Iron Age*. Perm: Perm State University. (Rus.).
- Semenov V.A. Two of the burial ground of Mazunino culture in Udmurt Kama region. In: A.F. Medvedev (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala. Pamiatniki mazuninskoj kul'tury* (pp. 116–122). Sverdlovsk; Izhevsk. (Rus.).
- Shirobokov I.G., Chernykh E.M. (2016). Physical anthropology data on the origin of Prikamye population in the Middle of the 1st millennium AD (according to the materials of Boyarskiy «Aray» burial site). *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, (1), 25–34. (Rus.).
- Shirobokov I.G., Chernykh E.M., Nechvaloda A.I. (2018). Anthropological characteristic of skeletal remains from excavation of the Dubrovsky burial ground. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, (4), 499–512. (Rus.).
- Starostin P.N. (2009). *The Rozhdestveno V burial ground*. Kazan: Institute of History under Tatarstan AS. (Rus.).
- Stoianov V.E. (1962). The Saigatsky burial ground on the Middle Kama. In: V.F. Gening (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (pp. 117–134). Sverdlovsk. (Rus.).
- Sungatov F.A., Garustovich G.N., Iusupov R.M. (2004). *The cis-Urals in the Great Migration period: (The Staraya Mushta burial ground)*. Ufa: Ufimskii poligrafkombinat. (Rus.).
- Vasiutkin S.M., Ostanina T.I. (1986). The Staro-Kabanovsky burial ground — a monument of Mazunino culture in Northern Bashkiria. In: T.I. Ostanina (Ed.). *Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii* (pp. 64–125). Ustinov: Udmurtia. (Rus.).
- Volkov S.R., Sabirov T.R. (2005). The complex of weapons of the Tarasovo burial ground of the I–V centuries AD. In: *Udmurtia: Istorija i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Problemy i perspektivy funkcionirovaniia rodnykh iazykov», posviashchennoi 85-letiiu gosudarstvennosti Udmurtskoi Respubliki* (pp. 9–14). Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Zasetskaia I.P. (1994). *Nomadic culture of the South Russian steppelands: The end of the 4th and 5th centuries AD*. St. Petersburg: Elips Ltd. (Rus.).
- Zykov A.P. (2011). The ethnic and cultural situation in the Middle Kama region in the Great Migration period. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (11), 66–79. (Rus.).

О.Ф. Хайруллина, <https://orcid.org/0000-0002-9976-1074>

Е.М. Черных, <https://orcid.org/0000-0001-5800-7545>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020